

Добрый зверь и добрый человек

Век. Москва — 1999 — 23 сент. — с. 10

Где-то на далекой орбите между Марсом и Юпитером вращается малая планета Иринара, названная в честь русской писательницы Ирины Евгеньевны Ракши, а настоящая живая Ирина сидит напротив меня, и вокруг нее пудель, терьер и кошка Люська. Вокруг по стенам прекрасные работы художника Юрия Ракши, мужа Ирины. От картин идет замечательное ощущение света, тепла, защищенности. И еще добра, которого так не хватает сегодня людям.

Светлана ГЛАДЫШ

-Ирина, как вы считаете: легко ли распознать сущность человека?

— Очень легко. Спросите, например, человека о прошлом. И потому, что и как он вспоминает, все поймете. Один думает о хорошем и с благодарностью, сам светится. Другой помнит зло — и со злом. Он весь в этом. И еще. У нас с Юрой для новых знакомых был тест, своеобразная «проверка на вшивость»: «Как ты относишься к Богу и как — к животным?». Перед животными у меня неизбывное чувство вины за нашу человеческую жестокость, ведь цивилизацией они уже обречены на закланье. Животные в нашем сегодняшнем мире — моя боль. Хотела бы обнять всех — рук не хватает. Маяковского я приняла уже за одно стихотворение о лошади на Кузнецком мосту. Или помните: «Тут у булочной увидишь собачонку, поглядишь — одна сплошная плешь. Из себя готов достать печенку. Мне не жалко, дорогая, ешь!». Вот и эта четвероногая компания моя — все подобранные, не купленные, а спасенные.

— Правда, что когда-то вы мечтали стать ветеринарным врачом?

— Надо же, что вспомнили... Только я опоздала — приемная комиссия документы уже не принимала. Люблю животных всех: от лягушки до ежа, от верблюда до ужа. Они, между прочим, были созданы раньше человека...

— И «каждому на земле дано свое место, свой дом. А мы в чужой со своими порядками, с ружьем лезем. И все убиваем, бьем, вырубаем. Точно, что самый страшный зверь — человек»... Так ведь говорит одна из ваших героинь Тонечка?

— Моя повесть «Охота на волков» — крик отчаяния против убийства ради потехи. Да, Тоня — это я. Охота в наши дни, когда и так ничего не осталось, — просто разврат... Убийство. Потеха для мерзавцев и трусов. Не то что раньше, когда на медведя с рогатиной шли ради прокорма семьи. Мой главный враг — человек с ружьем. Если это, конечно, не на поле Куликовом. В прошлом году я была в Палестине, в монастыре Святого Герасима — покровителя животных у ранних христиан. Это на берегу Галилейского озера. У святого Герасима был в услужении лев — ручной, как собака. История хрестоматийная, когда Герасим ему занозу из лапы вытащил. Потом лев погнался и охранял ослика, возившего тележку с водой по пустыне. Случилось, лев заснул, а ослика украли торговцы — в тех местах пролегал знаменитый Шелковый путь. Герасим наказал льва и впряг его самого в тележку вместо ослика. Прошло время, и лев, увидев возвращающийся караван, узнал «своего» ослика. Отбил его у путешественников и пригнал домой. Все повинились перед львом, и все стало как и прежде. Когда же святой Герасим умер, лев лапами помогал рыть могилу, а потом скорбно лег на холм и тоже умер... Ради такой любви сто-

Ирина Ракша с подругой Люськой

ит все занозы из всех лап вытащить. Или хотя бы кого-то спасти, если можешь.

— Вы всегда так относились к животным?

— Мама моя всегда приносила несчастных и покалеченных кошек. Были Дымка, Вася, который оказал-

ся Василисой, и еще, и еще... Любили животных и в Юриной семье, Юра тоже не мог пройти мимо брошенного и страдающего. Как-то ехал ночью по Ульяновской и увидел: мечется по улице щенок. Юра остановил машину, а тот к нему на сиденье — прыг! Привез домой. Ос-

тавили. Диком назвали. Шестнадцать лет прожил.

— Мне очень нравится картина вашего мужа «Добрый зверь и добрый человек».

— О, это Юрина мечта о той гармонии, которая обещана в Библии: «И зла не будет на земле»... Только когда это будет и будет ли?

— Как вы думаете, откуда берется людская жестокость к животным?

— Чем беднее живет человечество, тем оно более жестоко ко всему живому. И безбожие, конечно, принесло огромное зло нашей стране. Пришедший к власти воинствующий атеизм, помноженный на сознание люмпена, записал всех собак, кошек и даже птичек в «буржуазный предрассудок». Ставшие чиновниками всех рангов, приехавшие из провинции в город, отрекшиеся и от коровы, и от лошади, они хоть и на уровне подсознания чувствовали «вину» перед ними. Но... надо же было строить «нового человека!» Вот и разучились бескорыстно любить. Забыта заповедь «Не убий!» по отношению и к человеку, и к животному.

В нашем дачном поселке — Новом Иерусалиме — милиционер расстрелял на глазах детей собаку — метиса овчарки, у которой были новорожденные щенки. Дети рыдали, в ужасе прибежали ко мне: «Спасите щенков!». Щенков спасла, а дети? Они ведь тоже пострадавшие, раненые. Привезла щенят в Москву, выкармливала из соски. Вырастила, стала приручать. Последнего щенка увезла в Молдавию хорошая семья строителей, которая приезжает на приработки. Дома у них коровы, куры, так что в хорошую семью пристроила, а вот москвичи ужас расстреляла долго еще будут помнить. Нет, не люблю я человека с ружьем!

— Ирина Евгеньевна, а не такие грустные спасения случались?

— А как же. Зимой сажусь в автобус у станции метро «Водный стадион». Смотрю, народу полно, все места заняты, а одно пустует. «Там, — говорят мне, — под сиденьем кто-то». Наклонилась — совсем обледе-

нельно погибающий пес лежит. Протянула руку: теплый, живой. Вытащила, приспособила «поводок» из пластикового пакета, веду домой. Встречаю соседа, Эмилия Брагинского, сценариста и прекрасного человека, к сожалению, недавно от нас ушедшего. «Это, — говорит, — тебе, Ирочка, свыше послано». Даю объявление в газеты. Звонят многие, но чувствую — все не то. Желающих масса — пес-то оказался породистый, миттель-шнауцер. Вдруг по телефону: «Посмотрите, у него на правой лапе должно быть два белых коготка». Смотрю — и впрямь есть. Чувствую, на том конце провода замерли. Не веря в счастье, еле слышно просят посмотреть: «На левой тоже два белых». Когда ответила, что так оно и есть, едва успела скороговоркой прокричать адрес. Когда эти люди вошли в квартиру, надо было видеть, что творилось с собакой — пес чуть потолок головой не прошиб. Ну слезы, конечно, и «что мы вам должны?». Да разве можно деньги за такое брать?! Словом, приехали они еще раз уже с шампанским. И все мы вместе выпили за добро.

— Вы как считаете, добро должно быть с кулаками?

— В молодости была уверена: добро обязательно должно быть с кулаками. Со временем, с опытом поняла — никаких кулаков! Бог все управит. А зло и кулак в ответ ничего, кроме зла и кулака, не дадут.

Ирина Евгеньевна вдруг потянулась к сигаретам, чиркнула зажигалкой, а я аккуратно, чтобы не потревожить кошку Люську, взяла альбом с домашними фотографиями. Вдруг в дверях появилась огромная собачина, присела около нас и неодобрительно заворчала. «Ларс ненавидит курильщиков», — Ирина погасила сигарету, — блюдет наше здоровье. Тоже, между прочим, спасенный. Ладно-ладно, не курим уже». Убедившись, что порядок восстановлен, Ларс отправился спать. А хозяйка, проводив меня, взылась за отложенную во время рукописи, на которой сладко спала Пуська, еще одна спасенная Ириной душа.